

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА

М.ТИМОФЕЕВА*

Эта статья посвящена образам нашей Родины, понятиям родины и семьи, или родины как семьи. Нетрудно представить, что на символическом уровне два данных понятия практически совпадают (любопытным образом этот факт фиксируется в языке: по-чешски слово «rodina» прямо-таки означает «семья»). Сразу же возникает множество соблазнительных аллюзий. Например, эмиграция как поиск другой – хорошей или идеальной семьи (то же относится и к представлениям о «шатловом» анализе как «частичной эмиграции»). Или «возвращение на историческую родину» как отражение архетипической фантазии о том, что свои, «плохие», родители на самом деле не родные, и мечты о «настоящих» родителях, которые, к тому же, должны еще оказаться королями и королевами¹. На клиническом материале автор пытается прояснить, что же это за семья, в которой все мы выросли, придавая при этом основное значение повторяющимся образам, общему для разных людей направлению мыслей или ассоциаций, схожим чувствам, которые обнаруживаются у самых разных пациентов. Вряд ли их объединяет что-либо еще, кроме того, что они являются (или являлись) пациентами одного терапевта и детьми одной и той же родины-семьи...

*... Эх, Киська, мы одна семья,
вы тоже пострадавшие.*

*Вы тоже пострадавшие, а
значит обрусевшие.*

*Мои – без вести павшие,
твои – безвинно севшие.*

В.Высоцкий. «Баллада о
детстве»

* *Тимофеева Мария Николаевна* – член Московского психоаналитического общества, практикующий психотерапевт, преподаватель совместного курса МПО и Института психотерапии и психоанализа по психоаналитической терапии.

¹ На наш взгляд, такого рода фантазии нашли прекрасное воплощение в сказках Астрид Линдгрэн «Пеппи Длинныйчулок» и, особенно, «Мио, мой Мио». Возможно, успех авторских сказок и определяется тем, насколько автору удастся ухватить архетипические детские (и не только детские) фантазии, а иногда и разрешить в пространстве сказки имеющиеся в них конфликты. То есть они пытаются выполнять ту же функцию, что и сны, мифы и «настоящие» сказки.

В недавнем времени говорили о «новой исторической общности людей – Советском народе». Сейчас считается, что такого образования не существует (Шлягина, 1993). Конечно, с одной стороны, нельзя не разделить подобной точки зрения, но с другой – мы видим немало общего у людей, относящихся к этой как бы не существующей общности.

Здесь мы вплотную подходим к теме, которая широко обсуждается в современном психоанализе, – влияния тоталитарного государства на психику его подданных². Мы в меньшей степени будем касаться механизмов этого влияния (а потому позволим себе ограничиться кратким литературным обзором, достаточным для целей, которые ставятся нами в рамках данной статьи). Главным же образом представим образы – как бы те *семейные* фотографии, которые приносят на сессию наши пациенты.

* * *

Многие люди с трудом допускают вероятность того, что какие-либо события, серьезным, а тем более трагическим образом повлиявшие на его судьбу, происходят совершенно случайно, вне всякой связи с его предшествующей жизнью. (Кстати, для верующего человека такая связь всегда существует, а у неверующего обычно легко достраивается путем суеверий и «бытовой мистики».) Очень хочется, чтобы мир подчинялся каким-то законам, желательным, справедливым, и чтобы в нем существовали очевидные причинно-следственные связи. В случае событий трагических вопросы «почему?» и «кто виноват?» нестерпимо жгут сердца людей, переживших жизненную трагедию.

Как может, например, психика ребенка справиться с тем, что его близкие погибли из-за землетрясения – *стихийного* бедствия, к возникновению которого никто не причастен? Как маленькому человеку вынести мысль, непосильную и для большинства взрослых, – что он может умереть в любой момент (на языке взрослых – что он смертен и смертен внезапно), не зависимо от того, насколько «хорошо» и правильно он себя будет вести?

Одним из симптомов, наблюдавшихся у многих армянских детей после землетрясения, был «страх турок» (А.Вартамян, устное сообщение). Этот страх, хотя и мешает ребенку жить, явным образом выполняет смыслообразующую функцию: обращение к образу знакомого врага оставляет мир опасным и жестоким, но, по крайней мере, делает его доступным пониманию.

Сравним эту детскую и, на мой взгляд, весьма типичную реакцию с тем, что мне довелось наблюдать у своих пациентов сразу же после взрывов жилых домов в Москве, в сентябре 1999 года. Хочу подчеркнуть, что в данном контексте совершенно не важна истинная причина произошедших взрывов (на самом деле ведь не турки вызвали землетрясение в Армении).

² Иной читатель может упрекнуть меня в некорректности, с которой здесь смешиваются понятия «родина» и «государство». Поэтому еще раз подчеркну, что статья посвящена образам бессознательного, где различимы не только родина и государство или родина и семья, но даже фекалии, подарок и ребенок (Тайсон, 1998, с.67).

Нас интересует только психическая реальность пациентов. Так вот, первая спонтанная реакция, пока люди еще не успели прийти в себя, была одинакова почти у всех (за исключением троих). Наряду со страхом и острым чувством незащищенности, высказывалась уверенность в том, что взрывы были организованы правительством или КГБ (обычно использовалось именно аббревиатура КГБ, а уже потом некоторые пациенты сами себя поправляли: «то есть ФСБ»). Казалось бы, с самого начала были идентифицированы конкретные «террористы», усилиями средств массовой информации тиражированы их имена и портреты, а глядевшие с них лица замечательным образом соответствовали «образу врага». Так почему же в сознании наших пациентов возникает идея, что к организации чрезвычайного события причастно собственное государство? (К слову сказать, данная статья и родилась из поиска ответа на этот вопрос.) Наверное, наблюдаемая реакция – ярчайшее свидетельство того, что большинство людей привыкли воспринимать государство не только не как защитника, а, напротив, как врага – поистине «самое холодное из чудовищ». И в момент паники и ужаса даже традиционные антисемитизм и нелюбовь к «черным» отступили на второй план, обнажив основной страх – перед собственным государством, перед собственной убивающей родиной-матерью.

Попутно заметим, что такая государственная структура, как КГБ (и другие органы секретной власти), рождает весьма интенсивные и в то же время амбивалентные чувства. Говорят, существует статистика, согласно которой самыми распространенными темами бреда являются, с одной стороны, преследования КГБ, ФБР и т.п., а с другой – фантазии о том, что человек сам является их агентом. Нетрудно видеть, что первый и второй варианты легко совместимы. Обычный человек, мягко говоря, с осторожностью относится к подобным организациям, в лучшем случае просто опасается, а нередко откровенно боится их, наделяя чертами всемогущества, порой страх доходит до благоговейного ужаса, а тут уж совсем недалеко до желания принадлежать к этим, дающим не только защиту, но и всевластье, «структурам». При этом обычно желание принадлежать к КГБ является неприемлемым для Эго пациентов³, и его обнаружение вызывает сначала несогласие и возмущение, а потом мучительное чувство вины. «Легче определить садистический аспект тоталитарного объекта, чем защищающий, хотя все всемогущие, всеильные и всезнающие объекты заполняют промежуток между уязвимым индивидуальным существованием и непредсказуемыми силами природы и культуры», – пишет М.Шебек (*Шебек*, 1998).

* * *

Реакция на взрывы – экстремальное проявление описываемого от-

³ Добавлю – и многих терапевтов. В частности, я в своей работе постоянно упускала данный аспект из виду, и теперь очень благодарна моему супервизору М.Борецкому, научившему меня на моем собственном клиническом материале распознавать такого рода желания.

ношения к государству в экстремальной ситуации. Но в сглаженной форме мы встречаем то же самое отношение и в самых разных ситуациях обыденной жизни – в поведении людей, их мыслях и убеждениях, снах и фантазиях. И все это мы будем использовать в качестве наших «*семейных фотографий*».

Например, пациентка Н., в целом не склонная к паранойяльным реакциям, убеждена, что врачи не ставят ее маленькому сыну диагноза «*коклюш*» и, соответственно, не назначают правильное лечение по причине того, что не хотят разглашать наступление эпидемии или закрывать детский сад на карантин.

Воспользуемся далее сновидением пациентки М., которое мне уже приходилось рассматривать ранее (Тимофеева, 1996). Сновидение про паспорт (привожу только первую его часть):

«Я потеряла паспорт. Недавно вышел закон, по которому людей, имеющих паспортов на такое-то число, расстреливают. И вот, меня должны расстрелять. До конца месяца я еще живу на воле. И все вокруг меня очень жалеют. Мама, папа, Миша (муж). Но всем понятно, что меня должны расстрелять. Никто, включая меня, ничего не предпринимает.

Мама, чтобы меня успокоить, говорит: "Ничего, может быть, не расстреляют, а только отправят в лагерь"».

Интересно, что с тех пор, как мне был рассказан этот сон, я встретила еще с одним сновидением, почти в точности совпадавшим с первым, и с несколькими аналогичными. В содержании этих сновидений бросался в глаза ряд явно общих черт:

а) государство спокойно убивает своих граждан – не потому что оно плохое, а потому что таков порядок;

б) роль «хороших» родителей пассивна – они не могут и даже не пытаются защитить ребенка, хотя и «жалуют» его. Иначе говоря, с одной стороны, родители ведут себя как государство, солидаризируясь с ним и соглашаясь с его нечеловеческим законом, с другой – они, как и принадлежащий им ребенок, беззащитны и абсолютно беспомощны перед государством.

Наверное, можно говорить и о расщеплении образа родителей. «Плохие» родители (из семьи-родины) представлены не кем иным, как «*Ими*» – то есть теми, кто издает закон и будет, согласно ему, расстреливать.

* * *

Картина объектных отношений, будучи домысленной на основании предложенного материала, во многом совпадает с тем описанием «*злокачественной трансформации*» данных отношений, которое мы находим у О.Кернберга. Он выделяет следующие признаки этой транс-

формации: «... (1) восприятие внешних объектов как всемогущих и жестоких; (2) ощущение, что хорошие, любящие, удовлетворяющие и ту и другую сторону объектные отношения хрупки, легко разрушаются и, что еще хуже, являются мишенью для нападения со стороны всемогущего и жестокого объекта; (3) ощущение, что можно выжить лишь при условии подчинения жестокому объекту, ради чего, следовательно, необходимо пожертвовать всеми связями с хорошим и слабым объектом; (4) при идентификации с жестоким всемогущим объектом появляется чувство неимоверной силы, наслаждения, свободы от страха, страдания и ужаса...» (Кернберг, 2000, с.372).

Автор перечисляет эти факторы, отвечая на вопрос: «Какие реальные или фантастические переживания и направленные на них защиты создают злокачественную трансформацию мира объектных отношений, в котором хорошие интернализированные объектные отношения обесцениваются и садистически поработачаются Я – целостным, но жестоким, всемогущим и «безумным», и имея в виду явление, которое он называет *злокачественным нарциссизмом?*» Интересно, что и многие другие авторы, описывая интересующую нас констелляцию объектных отношений, также говорят именно о нарциссизме.

Однако существует относительно широкий семантический ряд, который в разных вариациях повторяется в связи с подобными психическими структурами. Он включает такие понятия и семантические образования, как «мафиозный» объект, тоталитарный объект, архаический садистический объект, нарциссизм, «анальное разрушение», перверсия, а также концентрационные лагеря, роман Оруэлла «1984», «стирание границ между полами и поколениями» и пр. (см., в частности, Кадыров, 2000; Кернберг, 1998, 2000; Шебек, 1998; Clit, 1995; Chasseguet-Smirgel, 1986). А.Вуко (Вуко, 2000) и Д.Шагге-Смиржель, рассматривая некоторые социально-политические и культурные феномены, говорят также о перверсном, или *амальгамном* мышлении.

При этом у многих авторов (разумеется, не у всех) так и остается не проясненным вопрос, какое отношение имеют друг к другу нарциссизм и тоталитарная власть. Являются ли образы тоталитарного кошмара «1984» и концентрационных лагерей, постоянно возникающие при описании нарциссических расстройств, всего лишь художественным приемом, указанием на сходство, некое внутреннее родство, или здесь имеется в виду причинно-следственная связь? И если верно последнее, то в чем именно она заключается? Скажем, следует ли буквально ожидать большего количества нарциссических расстройств в тоталитарных обществах?

Возможно, мы имеем дело с ситуацией, когда тоталитарные объекты (нарциссические или «архаические садистические») сливаются с действительностью – и драма разыгрывается не только во внутреннем мире субъекта, не в фантазиях, а в реальности: объекты реального мира ока-

зываются не менее кошмарными, чем их объект-репрезентации. Реальные отношения, реальные законы мира, реальные действующие лица, окружающие людей в тоталитарном обществе, совпадают с репрезентациями таковых во внутреннем мире нарциссической личности. Человек в подлинном смысле живет в окружении тоталитарных объектов.

О тоталитарных объектах предложивший данный термин М.Шебек пишет: это – «... примитивные догенитальные объекты, чья общая власть склонна к вторжению и предполагает полное повиновение и полную идентификацию». И далее – о функциях тоталитарного объекта: «Он не допускает какого-либо неконтролируемого пространства, особенно психического пространства; – он убивает спонтанность и творчество подлинного Я; – он стремится заблокировать нормальное развитие в направлении эдипова комплекса и половой дифференциации; – он не дает узнать правду – вместо этого он несет статичную идеологию, в которой вся правда уже открыта; – он создает пространство для отражения и повиновения, но не для других, более развитых, межличностных отношений; – ему не нравятся различия, он пытается установить единообразие – очень часто это единообразие представляется в виде разрушенного фекального мира» (Шебек, 1998, с.5).

Предложенные М.Шебеком, Д.Шасге-Смиржель и Х.Розенфельдом концепции помогают понять, что все экстремистские системы масштабным продуцированием тоталитарных объектов вынуждают массы совершать многократные интроекции этих объектов и их производных (Кадыров, 2000).

И теперь снова вернемся к нашим пациентам, к сожалению, представляющим богатый материал для размышления на заданную тему.

* * *

Еще одно, на сей раз «программное» детское сновидение, которое пациент Г. принес на одну из наших первых сессий в самом начале многолетней работы с ним, и к которому мы на протяжении всего этого времени постоянно возвращаемся (более подробно см.: Тимофеева, 1996; 1998).

Кошмар про Снежную Бабу:

«Мебельная машина – такси приехала за нами, чтобы везти всех выкидывать. Люди пиратского вида забирают весь дом, повезут в эту яму (имеется в виду реальная выгребная яма, которая произвела на Г. очень сильное впечатление). Родители ничего не могут поделать, ходят пассивные. А у входа стоит снежная баба: три шара, соединенные металлическими шарнирами. Она позвякивает своими железками и злорадно смеется.

После этого сна я несколько лет побаивался проходить мимо того места в подъезде, где она стояла».

Не представляется возможным привести все ассоциации к этому сно-

видению и все темы, обсуждавшиеся в связи с ним.

Образ родителей в этом сновидении вновь оказывается расщепленным. Хорошие, но беспомощные папа и мама безропотно ждут, когда их вместе со всеми увезут на помойку. Снежная Баба, которая в начале, хотя и с натяжкой, могла восприниматься как материнский образ, со временем приобретала все большее сходство с отцом пациента. Отец был инженером, «имел дело с железками», дарил сыну конструкторы, учил его обращаться с ними. Он любил все объяснять, складывалось впечатление, «как будто он и сам жил по законам Ньютоновской механики». Похоже, эти черты отца превратились во сне в металлические, на шарнирах или пружинках руки и ноги Снежной Бабы. Можно думать, что она является сгущением образов обоих родителей, собирательным образом отца и матери, и мы думаем, что это не только проявление работы сновидения, но и указание на наличие такого образа в бессознательном пациента. Этот чудовищный слитный образ отцо-матери, своего рода Уроборуса, как обозначила данное явление Урсула Фольц (Фольц, 1999), смеющегося, когда его детей везут на погибель, лично у меня вызывает в памяти известные строки (уж простите за банальность): «Мы говорим "Ленин" – подразумеваем "партия", мы говорим "партия" – подразумеваем "Ленин"». Дальнейшее развитие темы: Родина-мать, Сталин-отец (и учитель). Такие вот родители. Такая семья. Такая родина. И именно через посредство семьи детям передается пугающее знание об их родине.

Каков механизм передачи этого знания? Подобно тому, как образ родителей в сновидении оказывается полностью расщепленным на слабых-хороших и всемогущих-ужасных, существуют и два очевидных способа такой передачи. Первый – слабые родители, которые сами боятся этого государства, передают страх своим детям вместе с ощущением, что они не могут защитить их в этой жизни. Второй – родители ведут себя в семье так же, как государство ведет себя по отношению к ним, тем самым воссоздавая тоталитарное государство в «одной отдельно взятой» семье (другими словами, строят свою малую семью по образу и подобию большой). А большинство родителей делает и то и другое, о чем свидетельствуют приводимые примеры.

Еще два сновидения.

Сон Терезы из «*Невыносимой легкости бытия*» М.Кундеры (вспомним, что все герои романа в конце умирают: пространства для жизни и мысли становится все меньше и меньше и, наконец, не остается совсем) (Кадыров, 2000; Шебек, 1998).

«Она маршировала вокруг бассейна голая вместе с множеством других голых женщин...

...сон был ужасен с самого начала. Маршировать в строю голой – для Терезы основной образ ужаса. Когда она жила дома, мать запрещала ей запереться в ванной. Этим она как бы хотела сказать ей: твое тело такое же, как и остальные тела; у тебя нет никакого права на стыд; у тебя нет

никакого повода прятать то, что существует в миллиардах одинаковых экземпляров. В материнском мире все тела были одинаковы, и они маршировали друг за дружкой в строю. Нагота для Терезы с детства была знаменем непреложного единообразия концентрационного лагеря...

...Мать требует к себе справедливости и хочет, чтобы виновный был наказан. Поэтому она настаивает на том, чтобы дочь осталась с ней в мире бесстыдства, где молодость и красота ничего не стоят, где весь мир не что иное, как один огромный концентрационный лагерь тел, похожих одно на другое, а души их неразличимы».

И сон К. – детский, самый ранний. Тоже особенный и программный: пациентка говорит, что это первый сон, который она помнит, и одно из самых отчетливых ранних детских воспоминаний. И на этот раз мы также обращались к нему на протяжении всей нашей работы.

Сон про Людоеда:

«Мы с братьями убегаем. За нами гонится что-то, вроде быка. Кладбище, забор огорода. Женщина нас спасает, берет меня на руки, ведет нас в дом. Мы заходим, там много детей, все сидят в очереди. Мы тоже садимся. Тут я понимаю, что в доме живет людоед, который жрет детей, поэтому мы все и сидим в очереди. Женщина говорит мне: «Ты не бойся, видишь, все дети не плачут – и ты не плачь!»».

В ассоциациях к этому сновидению К. со слезами говорит о том, что эта женщина «только сначала кажется хорошей, на самом деле она ведет нас к людоеду», появляется идея, что, может быть, она сама и есть людоед.

Между появлением на свет старших братьев и самой пациентки ее мать сделала семь аборт, потому что хотела девочку, а думала, что в предыдущих случаях была беременна мальчиками. «Когда была беременна мной, тоже все думали, что мальчик, и уговаривали ее сделать аборт». Число детей в очереди в точности совпадает с их количеством в семье К. плюс аборты.

Какой ужасающий возникает образ! Кронос⁴? Мать, пожирающая своих детей? Мать или отец? Или все то же, сливающее их воедино подобие Уроборуса? А может, все эти различия и сопутствующие им тонкости вообще утратили какое-либо значение? «... *Анализация*, садистическая регрессия всяких объектных отношений с тенденцией отрицать различия между полами и поколениями, в которой объектные отношения "перевариваются" до состояния однородных фекалий» (*Chasseguet-Smirgel*, 1978, цит. по: *Кернберг*, 2000). В последних сновидениях мы ясно видели, что *различий* не существует, вместо них – расщепление и слияние.

⁴ «Народная этимология сблизилась имя Кронос с наименованием времени – Хроносом» (*Лосев*, 1991). Наверное, это произошло не случайно. Подобным образом происходит дальнейшее развитие мифа, придание ему более явного смысла. И в современном бытовом сознании мы уже не делаем различия и думаем именно о времени – Хроносе как об отце, пожирающем своих детей.

Теперь, после кошмарных сновидений, разрешите обратиться к реальности и процитировать газетную статью.

«Мертворожденных младенцев и младенцев, родившихся живыми, но умерших в родильном доме, не отдавали родителям, которые хотели их хоронить, потому что для этого пришлось бы выдавать свидетельство о смерти, и каждая смерть прибавлялась бы к статистике детской смертности... В родильном доме, где мне приходилось бывать, на чердаке стоял бак, куда складывали мертвых детей; когда он наполнялся, его увозили» (Кугай, 1996).

Разве этот бак из настоящего родильного дома не похож на кастрюлю, в которой людоед из сна К. намерен варить сидящих рядком и ожидающих своей участи деток! Правильнее будет сказать, что это и есть *тот самый* бак! Но с тем же успехом в нем можно усмотреть фамильное родство с выгребной ямой из сна Г., куда *всех* везут, с бассейном, где маршируют голые, обезличенные женщины, и с концлагерем из романа М.Кундеры. Неродившиеся младенцы, съеденные дети, убитые Тереза, Томаш и собака «Каренин», а вдобавок к ним и еще несколько десятков миллионов...

Кстати, я глубоко убеждена, что имеется прямая связь между тем, как легко относятся наши граждане к смертям безвинных людей, и числом аборт, которым подвергли себя (и продолжают подвергать) миллионы советских женщин.

Хочу отметить, что пациенты принесли мне эти сновидения (семейные фотографии) в самом начале терапии, как бы давая мне своего рода ключи к пониманию тех мучительных аспектов, которыми наделен мир их объектных отношений.

«Вы тоже пострадавшие»... Можно было бы подумать, что эта строка о тех, кто страдает. Так ведь нет: вчерашние палачи сегодня становятся жертвами и наоборот.

История семьи пациентки Р. (рассказано коллегой, комментарий мой).

Дед Р. после революции возглавлял отделение ЧК в губернском городе (можно представить, сколько крови на его руках). Позже он был арестован и сослан в Сибирь. Доподлинно не известно, но из приведенных сведений возникает предположение, что у матери Р. был роман с офицером НКВД, от этого «предательского» союза (приходит на ум «Ночной портье») Р. и появилась на свет. Мать совершает предательство, присоединяясь к власти имущим; но она же, возможно, является и жертвой в семье, где все слушаются «властного и авторитарного» деда. К тому же, по профессии мать – акушер-гинеколог. В Советском Союзе это, безусловно, означает, что она сделала несчетное количество аборт. Она же уговорила и Р. сделать несколько аборт.

Отягощенная подобной предысторией, кем приходит Р. на эту землю?

Где ее место? Этого места просто нет – у Р. и клаустрофобические и агорафобические приступы паники: никакое место ей не подходит.

И все же, наверное, все мы – «тоже пострадавшие». Не в том смысле, что все мы были или стали *жертвами* тоталитарного государства, а тем, что несем в себе эти тоталитарные объектные отношения и, в большей или меньшей степени (в зависимости от нашего психического здоровья), попеременно отыгрываем обе их стороны. Это происходит и в жизни и, конечно же, в трансферентных отношениях при работе с нашими пациентами.

«Потому что время – ядро истории, а психоанализ (посредством переноса) – это история, воплощенная в настоящем и спроецированная на личность аналитика» (*Голдсмит*, 2000).

Ситуация осложняется тем, что мы с нашими пациентами происходим «из одной семьи», а значит, хотя бы частично, интернализировали одни и те же объектные отношения и храним одни и те же «скелеты в шкафах». У пациентов, в психопатологии которых описанные феномены играют ведущую роль, перенос приобретает разрушительные черты. Понятно, что картина усугубляется, если мы отзываемся на него контрпереносом в том узком смысле этого слова, который изначально придавался ему З.Фрейдом: реагируем на психопатологию пациента своей непроработанной психопатологией.

В заключение хочу описать некоторые особенности моей психотерапевтической работы с Кариной (см. *Timofeyeva*, 1994), история семьи, жизни и, особенно, психотерапии которой, как мне кажется, хорошо иллюстрирует многое из того, о чем говорилось выше. В наибольшей степени это касается отношений переноса-контрпереноса.

* * *

Карина обратилась ко мне около восьми лет назад, когда ей было 27 лет, с жалобами на навязчивые мысли, «съедающие ее время», и депрессию. Кроме того, она страдала от бесконечных и тяжелых простудных заболеваний. На протяжении всех этих лет мы периодически продолжаем работу, встречаясь один-два раза в неделю. Было несколько перерывов, когда она уходила из терапии, а потом возвращалась.

Отец Карины во время войны ребенком был угнан в Германию. По ее словам, «он был тираном и издевался надо мной и братом. У него было ужасное детство, и он хотел наше детство тоже сделать ужасным». Мать не могла защитить детей и, к тому же, по мнению Карины, больше любила младшего сына, который много болел. Образ отца у Карины перекликается с образом ее бывшего мужа. Брак был тяжелым, вспоминается как постоянное унижение. Интересно, что именно отец избавил ее от мужа, выставив его за дверь. Примерно в то же время ее единственный друг женился. Карина пришла ко мне потерянной и раздавленной,

Начало нашей работы на вид было весьма успешным. В конце первого

года ее «говорение самой с собой» потеряло навязчивый характер, а когда рудиментарно возникало вновь, проходило после того, как мы разгадывали его функцию. Через некоторое время она поменяла место работы, потом защитила диссертацию. Я радовалась ее успехам, не замечая, пока дело не зашло слишком далеко или, может быть, пока я не поняла масштабов этого явления, что, по-видимому, она использует терапию в целях подпитки своего грандиозного Я.

У нее возникли продолжающиеся до сих пор отношения с К., по большей части эго-синтонно эксплуататорские. Она несколько лет спокойно жила на его деньги, при этом всячески унижая и понося его. Появилась также подруга Г. – женщина примерно моего возраста, исповедующая идею, что мужчины нужны и годны только для секса. Г. ездила отдыхать с мужчинами, оплачивая их поездку. Отношения подруг были союзом всесильных женщин (всесилие достигалась еще и благодаря деньгам Г.), направленным против мужчин. (Как мы понимаем, агрессии к женщинам, к матери, к этой самой Г. и ко мне в том числе, у Карины тоже хватало, но агрессия к мужчинам и в первую очередь к отцу была как бы узаконенной, являясь способом канализации любой агрессии.)

Кстати, одной из тем ее навязчивых мыслей была «переработка отходов» – она представляла себе, как она из отходов делает разные полезные вещи. Может быть, это была попытка восстановить мир, который она до этого разрушала своей агрессией. Казалось, единственным существом, которое она действительно любит, была кошка.

Апогеем ее всемогущества явилась идея о ребенке. Она должна зачать его путем искусственного оплодотворения, но так, чтобы еще и контролировать пол ребенка, – это должна быть девочка, «наследница», в буквальном смысле «ее продолжение». «Если будет мальчик, я с ним не смогу, я же убью его собственными руками».

Я годами бессильно интерпретировала ее грандиозность, иллюзию всемогущества, супер-человеческого существования, что она обычно молча выслушивала, никак не реагируя, а потом продолжала говорить, как если бы моей реплики не было вовсе.

У Карины была фантазия обо мне, воплощенной в карманном варианте, – чтобы я жила у нее в баночке, и меня можно было доставать, когда ей этого хочется, что-то со мной обсуждать и убирать так же, когда захочется. У нас появился термин «карманный психоаналитик».

Время от времени она переживала депрессивные, или, скорее, дисфорические состояния, часто сопровождающиеся или имеющие своим поводом затяжные соматические болезни. Несколько раз она тяжело заболела (дважды это было воспаление легких) сразу после того, как мы устанавливали постоянные часы работы. Казалось, все ее существование протекает в одном из двух возможных состояний – или всемогущества с полным контролем надо всем и всеми, или полнейшего бессилия, беспомощности, ощущения умирания и страха. У меня было ощущение,

что в ситуациях, которые Карина воспринимала как необходимость подчинения моей (или чьей-то) власти, она моментально проваливалась в ужасающее состояние, угрожающее ей полным уничтожением, и готова была на все, чтобы никогда не оказываться в таких ситуациях.

Параллельно разворачивалась сюжетная линия, связанная с оплатой и пропусками сессий. Будучи высоко квалифицированным специалистом, Карина работала почти бесплатно, имея взамен машину, когда та была ей необходима, а также известное преимущество, что всю рабочую документацию привозили к ней домой. Кроме того, ей позволялось устраивать скандалы, орать на всех и тыкать носом начальника в его ошибки. На дни рождения организация, где она работала, дарила ей кольцо с бриллиантами и компьютер, при этом в кармане у нее не было ни гроша, что позволяло ей платить мне за сессии сначала 1/4, потом 1/2 (сейчас несколько больше) моей обычной цены. Нам удавалось иногда договориться до того, что-де, выбирая такую работу, она платит деньгами за власть, а также за поддержание иллюзии всемогущества и отрицание реальности. Она, казалось, могла развивать со мной эту тему, но потом к достигнутому пониманию было невозможно вернуться, как будто его просто не было.

В некий момент, после очередной интерпретации такого рода, с которой она вроде бы согласилась, я ей сказала, что не вижу, почему я должна оплачивать ее стремление к власти из своих денег и увеличила плату в два раза (до 1/2). За этим последовала буря. Ни разу мне не приходилось переживать ничего подобного с другими пациентами. Это была неконтролируемая ярость. В конце сессии она сказала: «Я к Вам больше никогда не приду». Потом позвонила по телефону: «С Вашей стороны это не только шантаж, бесчестное поведение и неэтичность по отношению ко мне как к пациенту – Вы должны руководствоваться принципом "не навреди", а у меня из-за Вас ужасная депрессия и я очень тяжело заболела. Это еще и очень глупо – Вы открыто демонстрируете свою жадность и ограниченность, так как Ваши аргументы интеллектуально совершенно не состоятельны» (речь шла о 20\$ в месяц!). Она прервала терапию на четыре месяца. Но вернулась. «Вы не правы, но произошла важная вещь: я не сумела предать Вас анафеме. Я говорила всем знакомым о Вас, как если бы Вы были моей подругой: "Машка – сука, так меня бесчестно кинула", но это не приносило облегчения, а наоборот. Я поняла, что мое хорошее отношение к Вам осталось, мне не удалось его разрушить, как я делаю в других случаях, когда люди ведут себя со мной неправильно».

В нашей работе вроде бы не произошло никаких изменений. Но все же изменения были, хотя все шло так медленно, что я не замечала момента, когда они наступали. Она стала критиковать взгляды Г. и отдаляться от нее; перешла на более нормальную работу (хотя расхождение между ее статусом и зарплатой по-прежнему оставалось весьма большим); фантазия о ребенке тоже несколько трансформировалась: теперь она захотела

удочерить чеченскую девочку. На одной из сессий она мне рассказывала об очередном «подлом поступке» К. и о том, как ее мама и все знакомые ей сочувствовали и клеймили его. Я, как обычно в подобных случаях, сказала, что вижу ситуацию по-другому. К моему удивлению, Карина вдруг, вместо того чтобы начать злиться и обвинять меня в том, что я не понимаю ее, по-человечески улыбнулась и сказала: «Знаете, за что я люблю Вас, Мария Николаевна, Вы вносите ощущение реальности в мою жизнь, а это очень ценно».

Редко, но подобные вещи стали повторяться. Несколько раз я была очень тронута, когда она, смущаясь, говорила мне о своей благодарности.

Мне кажется, за эти годы нам все же удалось достигнуть чего-то похожего на партнерские отношения, не лежащие в парадигме власти-подчинения.

Некоторое время назад Карина влюбилась в И. Она позволила себе испытать чувство зависимости сначала в отношениях с ним, и вскоре после этого – со мной. Перемена сопровождалась почти физически не выносимой тревогой. Чем более очеловеченной она становилась, тем уязвимее себя чувствовала. Карина стала говорить вещи, которые я не надеялась когда-либо услышать от нее: о чувстве вины по отношению к К., о том, что она его использовала, что ей его сейчас жалко (это вместо фантазий о мести!). Время от времени происходили и откаты в былое обвинение всех во всем, но потом снова появлялась критика.

В час, когда должна была начаться последняя наша сессия, Карина позвонила мне по телефону, сказав, что попала в пробку, вернулась домой, чтобы не терять времени, и теперь просит сессию по телефону. В ответ на мой отказ, она стала со знакомым упорством, не контролируя себя, приводить тысячу причин, почему она не смогла приехать и почему разумно устроить телефонную сессию. Потом заметила, что теперь не знает, как и когда сможет прийти, так как болеет и уезжает. Мне пришлось несколько писем от нее, но не с обвинениями, а с объяснениями. Я отвечала, что поняла ее точку зрения. Потом она написала: «Как Вы думаете, как мы можем выйти из создавшейся ситуации с минимальными потерями?» Мой ответ: «Я думаю, нам стоит обсудить это при встрече».

Теперь я жду. Честно говоря, с надеждой.

* * *

Я начала эту статью со слов: «С чего начинается родина». Хотелось бы верить, что она чем-то и кончается. Я имею в виду, что удастся прекратить бесконечную интродекцию и репродукцию тоталитарных объектов. Не считаю себя достаточно компетентной, чтобы судить о том, как это может осуществиться в масштабах страны. В масштабах отдельного человека, хочется верить, спасти может, в частности, и психоанализ.

ЛИТЕРАТУРА

- Вуко А.* По ту сторону бомб и санкций. // Как практиковать психоаналитическую терапию в периоды социальной нестабильности. Материалы 8-й Восточно-Европейской психоаналитической конференции. Харьков, 2000. С.88-114.
- Голдсмит Г.* В поисках аналитического времени. // Там же. С.61-71.
- Кадыров И.М.* В поисках аналитического пространства. Некоторые размышления относительно практики в Москве. // Там же. С.26-59.
- Кернберг О.* Агрессия при расстройствах личности. М., «Класс», 1998.
- Кернберг О.* Тяжелые личностные расстройства. Стратегии психотерапии. М., «Класс», 2000.
- Кигай Н.* «Планирование семьи по-российски» // Независимая газета, 26.06.96, № 115 (1194).
- Кундера М.* Невыносимая легкость бытия. С.-П.. «Амфора», 2000.
- Лосев А.Ф.* Кронос. // Мифологический словарь. М., 1991.
- Тайсон ф., Тайсон Р.* Психоаналитические теории развития. Екатеринбург. 1998.
- Тимофеева М.Н.* Историческая, политическая, социальная и реальная реальности в психоанализе. МПЖ, 1996, № 2. С.83-91.
- Тимофеева М.Н.* Психотерапия как социально-психологический феномен. Журнал прикладной психологии, 1998, № 1.
- Фальц У.* Отелло и Дездемона. Отношения в супружеской паре. Статья, представленная на семинаре в Москве, 1999.
- Шебек М.* Поиск идентичности и власти: как стать психоаналитиком в пост-тоталитарной действительности. Доклад на 7-й Восточно-Европейской конференции. М., 1998.
- Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н.* Методы исследования этнической толерантности личности. // Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Методы этнопсихологического исследования. М.; 1993.
- Chasseguet-Smirgel J. (1978).* Reflexions on the connexions between perversion and sadism. International J. Psycho-Analysis, 59.
- Chasseguet-Smirgel J. (1986).* The archaic matrix of the Oedipus complex. // Sexuality and Mind. The role of the father and the mother in the psyche. N.Y, L., New York University Press.
- Clit R.O. (1995).* Totalitarian frame and narcissistic functioning. Paper presented at the XIII IPSO Congress. San Francisco.
- Timofeyeva (Pochukayeva) M. (1994).* Psychoanalytic treatment in a Russian context // Paper presented at the Spring Meeting of the Division of Psychoanalysis of the American Psychological Association. Washington, D.C.